DOI: 10.26907/2074-0239-2020-61-3-141-149
УДК 82-1+811.161.1

ПОЭМА «ВЕЩЬ СОН ТУКАЯ О КАЗАНИ» К. ТАНГАЛЫЧЕВА КАК ОТРАЖЕНИЕ «БЫТИЯ ПОЭЗИИ»

© Александра Каторова

K. TANGALYCHEV'S POEM "TUKAY'S PROPHETIC DREAM ABOUT KAZAN" AS A REFLECTION OF "THE BEING OF POETRY"

Alexandra Katorova

The work of K. Tangalychev, who entered Russian literature in the 1990s, dialectically combines prose and poetry, reality and fiction, national and international features, original and traditional elements, rational and emotional components, divine and secular moments, ancient and new characteristics. His poetry with its inherent high spirituality is distinguished by a philosophical orientation, a desire to understand the tragic contradictions of life, which mainly involves the creation of large genre forms. However, the author started to work with the genre of poem only in 2017 (it was the year when he began to work on "Tukay's Prophetic Dream about Kazan"). Based on a literary analysis, the article reveals the artistic features of this poem, indicating the increased skill of the author. The article highlights the most significant properties that determine the originality of the poem: the use of a dream motif, the vivid images and pictures, the number of historical realities that contribute to the knowledge of contemporary problems of life, the author's attempt to unravel the phenomenon of poet and poetry, his attention to national roots, the expression of love and devotion to his culture, and the image of Kazan as a "metaphysical capital of the spirit". The poet's intentions are clearly revealed owing to the wealth of cultural information in the narrative, the originality of metaphors, smooth transitions from dream to reality and from history to modern times, the lyricism of the narrative, the representation of feelings experienced by the lyrical hero and lyrical character without an explicit plot and / or storylines which determine the genre variety of the lyrical poem.

Keywords: poem, lyrical poem, author, narrator, lyrical hero, lyrical character, philosophical lyrical poetry, dream motif, metaphor, symbol, stanza (quatrain).

В творчестве К. Тангалычева, пришедшего в отечественную литературу в 1990-е гг., диалектически сочетаются проза и поэзия, национальное и интернациональное, самобытное и традиционное, реальное и вымышленное, рациональное и эмоциональное, божественное и светское, древнее и новейшее. Его поэзия с присущей ей высокой духовностью отличается философской направленностью, стремлением к познанию трагических противоречий жизни, что предполагает создание главным образом больших жанровых форм. Однако к жанру поэмы автор обратился лишь в 2017 г. (этим годом датируется начало создания «Вещего сна Тукая о Казани»). В статье на основе литературоведческого анализа выявляются художественные особенности данной поэмы, свидетельствующие о возросшем мастерстве автора. Отмечается, что к числу наиболее значимых свойств, определяющих самобытность поэмы, относятся использование мотива сна, яркость представленных образов и картин, насыщенность историческими реалиями, способствующими познанию современных проблем бытия, попытка разгадки феномена поэта и поэзии, внимание к национальным корням, выражение любви и преданности к своей культуре, изображение Казани как «метафизической столицы духа». Раскрытию интенций поэта способствуют насыщение произведения обилием культурологической информации, оригинальность метафор, плавные переходы от сна к яви и от истории к современности, лиризм повествования, отображение переживаний лирического героя и лирического персонажа без явно выраженного сюжета и / или сюжетных линий, предопределяющее жанровую разновидность лирической поэмы.

Ключевые слова: поэма, лирическая поэма, автор, повествователь, лирический герой, лирический персонаж, философская лирика, мотив сна, метафора, символ, строфа (катрен или четверостишие).

Своеобразие поэзии народного поэта Республики Мордовия Камиля Абидуллоевича Тангалычева, к анализу которой мы обращаемся в аспекте заявленной темы, не обойдено вниманием

ученых, занимающихся проблемами развития отечественной словесности. К изучению его лирики и прозы (эссе и публицистики) обращались философы А. А. Гагаев [Гагаев, 2003], [Гагаев, 2006], [Гагаев, 22.03.2010], [Гагаев, 24.03.2010], [Гагаев, Кудаева] и А. В. Мартыненко [Мартыненко], литературоведы Е. А. Жиндеева [Жиндеева], С. Н. Степин [Степин] и Е. В. Наумова [Наумова]. Подобное сочетание исследователей не случайно, поскольку его поэзия по своей сути философична, нацелена на познание законов бытия. Его поэма «Вещий сон Тукая о Казани», несмотря на самобытность, которая проявилась в использовании автором мотива сна, применении значительного объема культурологического материала, в показе взаимосвязи истории и современности, попытке отображения сущности и предназначения поэзии, внимании поэта к родным корням, модификации отдельных характерных признаков поэмы как лиро-эпического жанра, не являлась до настоящего времени предметом специального изучения, что в полной мере подтверждает актуальность темы нашего исследования. Цель статьи – определение специфики и эстетической ценности указанной поэмы, выявление авторских интенций, установление эффективности использования художественных деталей и образов, их роли в раскрытии основной идеи.

Прежде чем приступить к решению главной задачи, отметим, что интерес к Казани как евразийскому центру возник у автора давно, о чем свидетельствуют ранее изданные сочинения: 1) книга стихотворений «Дорога в Казань» [Тангалычев, 2002], 2) публицистическая статья «С детства еду по полю в Казань...» [Тангалычев, 2009, с. 192–203]. В поэтической книге эта тема отчетливо просматривается в примечательных, заслуживающих особого внимания и анализа стихотворениях – «Дорога в Казань» и «Башня». Однако гораздо более тесная логико-содержательная связь наблюдается между указанной статьей и анализируемой поэмой, несмотря на то что публицистика и поэзия – далеко не одно и то же. Данное явление в определенной мере можно воспринимать и как авторскую интерпретацию, предшествовавшую написанию поэмы, и как перевод размышлений в прозе на более высокий уровень – на язык поэзии.

Поэма «Вещий сон Тукая о Казани» весьма оригинальна, что попытаемся показать на конкретных примерах. Обратимся в первую очередь к ее названию, поскольку в художественном произведении его значимость достаточно высока, особенно в контексте обозначения темы. Подчеркнем, что мотив сна, в том числе вещего,

имеет давнюю традицию – восходит к античным и библейским мифам, нередко встречается он и в творчестве русских писателей. Хрестоматийными являются примеры из произведений «Пиковая дама», «Евгений Онегин» и «Капитанская дочка» А. С. Пушкина, «Невский проспект» и «Портрет» Н. В. Гоголя, «Обломов» И. А. Гончарова, «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского, «Белая гвардия» М. А. Булгакова и др. Мотив сна бытует в лирике Г. Р. Державина, Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, К. Н. Батюшкова, Ф. И. Тютчева, А. А. Блока, С. А. Есенина и других именитых поэтов. Исходя из эстетических предпочтений К. Тангалычева, выскажем предположение, что при обращении к мотиву сна он выступил продолжателем традиций любимых поэтов – Ф. Тютчева и М. Лермонтова. В качестве аргументов приведем умозаключения литературоведов. По мнению Ю. А. Кумбашевой, «Сон у Тютчева – это хаос, стихия, не подчиняющаяся никаким земным законам, но так или иначе сама влияющая на земную жизнь. Миром правят иррациональные начала, и область снов и тайн, „пылающая бездна“ и есть подлинная сущность мира, и она привлекает к себе Тютчева» [Кумбашева]. В лирике Лермонтова исследователи (в том числе Ю. А. Кумбашева) отмечают обилие сбывавшихся в жизни сюжетных снов-пророчеств, при этом указывают на взаимосвязь сна и реальности, на характерное для «сновидческой реальности» разрушение границ времени и пространства. И. Б. Роднянская утверждает, что «Лермонтов в своем творчестве непрестанно пробивается сквозь культурно-психологическую и литературную традиционность этого мотива и связанных с ним представлений, стремясь окрасить их в тона собственного опыта: на тематическом перекрестке „сна“ и „снов“ банальные метафоры и словесные клише то и дело сталкиваются и противоречиво сцепляются с итогом внутренней духовной работы поэта» [Роднянская]. В процессе анализа мы попытаемся показать, что многое из сказанного имеет непосредственное отношение к реализации мотива сна в поэме К. Тангалычева.

Для более глубокого постижения авторских интенций целесообразно, на наш взгляд, обратиться и к концепции сна Ю. М. Лотмана. Ученый правомерно утверждал, что «...сон обставлен многочисленными ограничениями, делающими его чрезвычайно хрупким и многозначным средством хранения сведений. Но именно эти „недостатки“ позволяют приписывать сну особую и весьма существенную культурную функцию: быть резервом семиотической неопреде-

ленности, пространством, которое еще надлежит заполнить смыслами. Это делает сон идеальным *ich-Erzählung*'ом ('повествованием от первого лица'), способным заполняться разнообразным как мистическим, так и эстетическим истолкованием» [Лотман]. Приведенные послы важны для нас не столько в аспекте аргументации методологии исследования, сколько необходимости применения литературоведческой интерпретации как высшего уровня анализа художественного произведения.

Размышляя над названием произведения, следует сказать о том, почему в качестве главного лирического персонажа выбран Габдулла Тукай. По мнению некоторых исследователей, Габдулла Тукай выполнил в культуре татарского народа ту же историческую миссию, что Пушкин в русской, предстал «звездой первой величины» среди других национальных поэтов России. Прожив около 27 лет (1886–1913), он стал не только известным писателем, поэтом, критиком и переводчиком, но и основоположником новой татарской поэзии, характеризующейся высокой степенью патриотизма. Его творческое наследие включает около 30 томов поэтических произведений и более десяти книг для детей (сказок, рассказов и стихотворений). Он занимался собиранием и изданием произведений татарского фольклора, переводами на татарский язык произведений Пушкина, Лермонтова и других русских поэтов. С Казанью, недалеко от которой родился поэт и куда вернулся из Уральска в 1907 году, связан самый плодотворный период его творчества.

Поэма «Вещий сон Тукая о Казани» состоит из 15 разных по объему частей (от 3 до 18 строф-катренов), по-своему раскрывающих величие этого города, его культурное наследие, роль в истории России и всей евразийской цивилизации и в то же время прославляющих любовь к поэзии, воплощающей в себе философию бытия. В первой – вступительной – части повествователь знакомит с лирическим персонажем, который предстает перед читателем в образе спящего в «высокой колыбели» младенца-сироты и вполне соотносится со своим прототипом (реальный Габдулла Тукай в пятимесячном возрасте потерял отца, в четырехлетнем – мать). Однако все остальное – из разряда вымышленного, имеющего большое значение для понимания авторского замысла. Использованные автором метафоры-символы (*качающие колыбель тень и сумрак, печальный горизонт, предписание... как неотменяемый приказ, всевластный автор*) весьма значимы, поскольку способствуют не только созданию соответствующего настроения, но и напол-

нению смыслом. Это своего рода прелюдия к основным событиям, к новому циклу бытия: с одной стороны, безотрадному, на что указывает (кроме тени и сумрака) *ночная, беспощадная метель*, с другой – светлomu. Подтверждением последнего служат две яркие метафоры: «*среди ночной метели рождается его грядущий день*» (то есть речь идет о сумерках утренних, плавно переходящих к солнечному свету) и «*только ему одному предстоит исполнить приказ всевластного автора*» (значение можно интерпретировать как избранность Всевышним).

Во второй части поэмы лирический персонаж ожидаемо оказывается в Казани. И не только потому, что его вещий сон именно об этом городе. В заключительных строчках первой части прозвучал вопрос: «*А где, а где творит всевластный автор / Сейчас судьбу тревожную ему?*», на который дан ответ, эмоционально и логически соединяющий размышления лирического героя с последующим повествованием. «*В Казани Бог, в сияющей Казани! / Лишь там сегодня он поэта ждет...*», поэтому здесь Тукаю предстоит исполнить предназначенную свыше роль – испытать «*среди несчастий, горя и страданий*» «*высокий взлет*» поэта. Обратим внимание на весьма значимую в описании города художественную деталь – *башню, «что склонилась», «сохранилась – хранимая надрывною мольбой», «что землю полюбила горячо»,* появление которой объясняется, на наш взгляд, двумя основными причинами. Во-первых, падающая башня, или башня Сююмбике, находящаяся в северной части территории Казанского Кремля, воплощающая уникальное сочетание русской и татарской архитектуры XIV–XVII веков, служит архитектурной эмблемой Казани и воспринимается как своеобразный символ города. Во-вторых, у автора поэмы к этому архитектурному сооружению с давних пор существует искренний интерес («*Более всего в Казани мне хотелось увидеть башню Сююмбике*») [Тангалычев, 2009, с. 197], обусловленный выдающейся личностью татарской правительницы – царицы-регентши Сююк, запомнившейся народу как «любимая госпожа» (перевод «Сююмбике» с татарского языка на русский). В истории исламского мира Сююмбике – одна из первых мусульманок, выполнявших роль главы государства.

В третьей части «*грядущий поэт*» видит во сне возведение в его честь «*изваянья*», достоящего «*до луны*», и раздачу им народу «*небывалого подаянья*» – «*сиянья*». Учитывая смысловое значение перечисленных художественных деталей – памятника, который воздвигается лишь выдающимся личностям, и сияния как символа

«чистой духовности, мудрости, святости, чистоты сердца, сверхъестественности» [Словарь символов], можно утверждать, что автор тем самым подчеркивает важность, судьбоносность поэта и поэзии для человечества. Внимание читателя в этой части привлекает еще одна подробность – бегущая к изваянию «девочка», «*Тукая не рожденное дитя*», которая не столько подтверждает факт биографии писателя (не был женат, не оставил наследников), сколько указывает на его особый статус – святость, «принадлежность к Богу, устремленность к безгрешности и совершенству» [Русская энциклопедия]. Здесь же автор впервые проводит параллель между собой и Тукаем («... в ней только я увидел», «... об этом вспомнил только я»), которая впоследствии станет более зримой и значимой в аспекте раскрытия темы.

В следующей – четвертой – части связь между «золотой царицей» Сююмбике и лирическим персонажем становится более тесной, что наталкивает на мысль: два великих человека, принадлежащих к одному (татарскому) народу, не могут находиться в отрыве друг от друга:

«И вот они встречаются в Казани,
Среди казанской гордой высоты.
Ее он забирает из преданий,
Она его – из ужаса страданий

Рожденного народом сироты» [Тангалычев, 2019, с. 63].

По-видимому, было бы неправильно, если в поэме рядом с Тукаем и Сююмбике не возник образ другого великого татарского поэта, обладавшего огромным чувством патриотизма, казенного в фашистской тюрьме Мусы Джалиля – автора всемирно известной «Моабитской тетради», поэзия которого отличалась высокой внутренней культурой и виртуозной техникой стиха. В связи со сказанным нельзя не отметить и значимость заключительной строфы анализируемого раздела, где явно просматривается связь истории с современностью:

«Тукаю снится и моя деревня,
Мой луг и мой сияющий закат,
Мои уже зеленые деревья,
Что до меня за сотни лет шумят» [Там же].

Пятая часть начинается с рефрена – повтора начальной строфы поэмы, вновь настраивающего читателя на восприятие сна как «вещего», наполненного информацией о некогда реально живших людях. В последующих четверостишиях перечисляется ряд исторических личностей, судьба которых тесно связана с Казанью:

«В коротком сне, пророческом и честном,
Видны сквозь исторический туман
Ему Шаяпин, Ленин, Лобачевский,
Такташ, Султан-Галеев и Туфан.

Сайдашев, Марджани, Державин, Грозный...» [Там же, с. 64].

Не вдаваясь в подробную характеристику, отметим, что царь Иван Грозный завоевал Казань, поэт Гавриил Державин, певец Федор Шаяпин и композитор Салих Сайдашев родились в этом городе, все другие названные люди в Казани жили, учились или трудились. Подбор имен не случаен, так как каждый, будь то политический деятель или богослов-просветитель, писатель или музыкант, оставил неизгладимый след в истории города. Об этом косвенно свидетельствует упоминание К. Тангалычевым некоторых из них в контексте его размышлений о тысячелетней истории Казани: «Великую истину, оставаясь в Казани, не покидая ее, сегодня ждут Ленин и царица Сююмбике, Тукай и Лобачевский, Муса Джалиль и Шаяпин. <...> Казань в наших сердцах творит себя – как город истины!» [Тангалычев, 2009, с. 201].

Продолжение сна лирического персонажа в шестой части поэмы связано с описанием предстоящей судьбы – счастливой творческой («...чернила / Легли на лист сияющей строфой») и мрачной личной:

«Сенной базар в Казани – Божья милость,
Здесь он обрел и мать и отца.
Но мать с отцом обрел он ненадолго,
Его в сиротство вновь призвал Алла...» [Тангалычев, 2019, с. 65].

Факты биографии Тукая свидетельствуют о трудных детских годах круглого сироты, проживавшего в чужих семьях, которых исследователи насчитывают целых восемь. Мастерство Тангалычева заключается в том, что он сумел отобрать и представить самый яркий эпизод, когда его дед Зиннатулла в целях избавления от лишнего рта отправил Габдуллу в Казань со знакомым ямщиком: «Ямщик остановился на Сенном базаре и стал выкрикивать в толпу: „Отдаю ребенка на воспитание, кто возьмет“. Из толпы вышел мужчина, забрал меня у ямщика и, как приемного сына, привел домой» [Габдулла Тукай].

В седьмой части произведения закономерным представляется обращение автора к следующему важному факту из биографии Тукая – жизни в Кырлае, где он приступил к учебе и приобщился к сокровищницам устного народного творчества (татарским народным песням, сказкам, послови-

цам и поговоркам), которые способствовали формированию образного мышления будущего поэта и воспитанию любви к живому народному языку. По утверждению односельчан, Габдулла свой творческий путь – сочинение первых произведений (песен, пословиц, байтов – двустиший) – начал в Кырлае. Кырлай является и местом действия героев известной поэмы Тукая «Шурале», воспевающей красоту родных мест, народные обычаи, победу человека над загадочными силами природы. По мнению автора, именно здесь начал проявляться Божий дар Габдуллы:

«Младенцу вечность предстояла в мире,
Поэту Бог оставил свой венец.
И потому дарованная милость –
Постигнуть то, что пережил Творец» [Тангалычев, 2019, с. 66].

В последующих двух частях (восьмой и девятой) читатель вместе с главным лирическим персонажем вновь оказывается в Казани, теперь уже во взаимосвязи с А. С. Пушкиным, точнее – с его повестью «Капитанская дочка»:

«И вдруг во сне запылали строчки,
Пылали незнакомые слова.
Во сне страницы „Капитанской дочки“
Тукай, не узнавая, узнавал.
А в тех словах его Казань горела...» [Там же, с. 67].

Приведенная цитата указывает на внимание автора к злодеяниям Пугачева, последствия похода которого на Казань во время Крестьянской войны (бунта) 1773–1775 гг. стали особенно ужасающими из-за большого пожара. В связи с этим логичнее было бы, на наш взгляд, сослаться на другое сочинение Пушкина – «Историю Пугачева», в которой приводятся конкретные примеры о количестве жертв и потерь: «Состояние Казани было ужасно: из двух тысяч осмисот шестидесяти семи домов, в ней находившихся, две тысячи пятьдесят семь сгорело. Двадцать пять церквей и три монастыря также сгорели. Гостиный двор и остальные дома, церкви и монастыри были разграблены. Найдено до трехсот убитых и раненых обывателей; около пятисот пропало без вести» [Пушкин]. Эти бедствия действительно непомерные, которые нельзя оправдать никакой борьбой за справедливость. Однако далее идущее чрезмерно гиперболизированное утверждение К. Тангалычева – «Невиданным злодейством Пугачева / Был потрясен суровый Чингисхан» [Тангалычев, 2019, с. 69] – представляется еще менее художественно обоснованным,

нежели упоминание «Капитанской дочки» вместо «Истории Пугачева» Пушкина. Образ кровавого и жестокого предводителя монгольской орды, которая, по утверждению историков, пройдя по четверти земли, убила одну десятую часть людей на планете, нецелесообразно представлять как персонажа, имеющего право давать оценку действиям другого злодея. В подтверждение сказанному приведем еще один пример: после жестокого сражения Тэмуджина (Чингисхана) с татарами в 1202 г. «было решено уничтожить всех татар, кроме детей ниже тележного колеса (по монгольским обычаям малых детей было запрещено убивать)» [Козин]. В качестве определенного логико-экспансивного объяснения возникновения образа Чингисхана можно признать лишь следующие строки из поэмы Тангалычева: «Окажется ли Чингисхан в Казани / И накануне ядерной войны?...» и «И вот цари, поэты и злодеи / Сошлись во сне Тукая – вещем сне» [Тангалычев, 2019, с. 69].

Десятая и одиннадцатая части воспринимаются как некое завершение представления «вещного сна Тукая», о чем свидетельствует их содержание и повтор в финале 11-ой части поэмы ее начальной строфы, обрамляющей текст и образующей своего рода кольцо в композиции произведения. В предыдущих размышлениях мы уже указывали на то, что повествователь в поэме выступает не как сторонний наблюдатель, транслирующий «сон Тукая», а как активно действующий лирический герой. Он тоже талантливый поэт, татарин по национальности, любящий свой народ, знающий о его проблемах и заботящийся о его счастливой судьбе. В свете сказанного вполне естественным оказывается интерес Габдуллы к его личности:

«Тукай в Казани и меня заметит,
Когда к высокой башне возвращусь,
Когда к камням – единственным на свете
Руками, как к святыне, прикоснусь» [Там же].

Лирический герой правомерно ассоциирует себя с предками – татарами-мишарями, жившими на территории мордовского края (Темниковской Мещеры), прежде всего с ханом Беханом. По утверждению историков, «почти все княжеские фамилии Темниковского княжества происходят от ее первого независимого владельца Бехана, потомство которого явилось самой большой группой среди родоначальников фамилий татарских князей» [Биккинин]. Подчеркнем, что автор обращается к предкам не для того, чтобы поведать читателю о своем знатном происхождении, а в целях сосредоточения внимания на проблеме разбросанности своего народа:

«Народ един в просторном сердце Бога,
Хоть сердце Бога рвет порой народ.
Но свой народ, разорванный надолго,
Поэт один на родину вернет» [Тангалычев, 2019, с. 70].

Косвенным подтверждением сказанному может служить упоминание об известном астрономе и астрофизике, татарине по национальности Рашиде Сюняеве – гражданине России и Германии, лауреате (2011) престижной премии Киото, место проживания которого также далеко от места действия лирического героя – от любимой Казани:

«Над башней небо лунный свет роняет.
Увижу я, когда сюда приду,
Как здесь и знатный астроном Сюняев
Найдет свою высокую звезду» [Там же].

Повествователь надеется, что не только Сюняев в итоге окажется в этом городе, поскольку «здесь ярче звезды – светит им Тукай» [Там же], но и сам:

«Заветный город лишь таким приемлю;
В тот час, когда и я туда вернусь,
Хочу, чтоб он вмещал не только землю,
А чтобы он вмещал и вышину...» [Там же, с. 71].

Поясним: речь в данном случае идет об условном возвращении – о полете души, а не о смене места жительства реальных людей. В действительности встреча автора поэмы К. Тангалычева и ученого-астронома Р. Сюняева состоялась в Казани в 2017 году возле башни Сююмбике, что описано в эссе «Ближняя звезда Рашида Сюняева» [Тангалычев, 2017].

В заключительных четырех частях (12–15) на первый план выходит личность автора-повествователя, который излагает свое понимание происходящего в современном мире в контексте исторических процессов, и в этом плане вызывает пристальный интерес. Объективному восприятию отображаемых явлений и событий способствуют нарисованные автором картины: «безмолвием объятая округа», предположительно «по-татарски» говорящая «выюга», родная «земля», которая «не хочет быть немой», «седая женщина в метели», качающая «пустоту и немоту» [Тангалычев, 2019, с. 70]. На основе приведенных метафор в воображении читателя возникает образ заброшенной деревни, из которой исчез народ вместе со своим языком, культурой, бытом, накопленными веками традициями. Тукай жил в другую эпоху, поэтому такой тревожный сон не мог ему присниться. Это характерная

черта современной жизни, и она в подсознании автора-повествователя, душой болеющего за судьбу родного народа и его языка:

«Историю в себе лишь упрекаю
За то, что меркнет мой родной язык.
Но сон такой тревожный и Тукаю
Не снился даже в час ночной грозы» [Тангалычев, 2019, с. 72].

Народный поэт Татарстана Ренат Харис, размышляя о книге К. Тангалычева «Дорога в Казань», справедливо подметил, что «лирический герой книг Камиля Тангалычева <...> – не тот человек, который стремится освободиться от национальных и религиозных рамок, а человек, старающийся уместить в одном сердце две веры, два языка, две традиции. Он не тот, чью душу и разум питают звездные, солнечные и лунные лучи, холод бесконечности и сумрак „черных дыр“, а тот, кто носит в себе сердце, умеющее любить, переживать, ненавидеть, биение которого можно слушать, приложив к его груди ухо. А такое сердце может быть только у человека Земли, только у поистине народного человека...» (цит. по: [Гагаев, 2006, с. 10–11]). Подтверждение сказанному обнаруживается и в анализируемой поэме:

«Глагол мой, кровно родственный природе,
Быть и татарским не перестает.
Тукая узнаю во всем народе
И я держусь в Тукае за народ.

Хотя и от себя не отрекаюсь –
Смирено благодарен я Творцу.
Историю по-русски окликаю
В свой час, лишь мне дарованный, – в грозу» [Тангалычев, 2019, с. 73].

В предпоследней части поэмы вновь возникает образ «качающейся колыбели», возвращающейся из «поднебесья» в татарский дом, указывающий на то, что истинная поэзия, в отличие от тела человека, способна жить вечно. В финале этот посыл выражается более четко, благодаря введению нового образа – Ильгана Шакирова, выдающегося татарского певца, народного артиста России и Татарстана, одного из лучших исполнителей любимой татарским народом песни «Туган тел» («Родной язык»), автором слов которой является Габдулла Тукай: «Из будущего дальнего Шакиров / Тукаю пел, как сыну, „Туган тел“» [Там же, с. 76]. Приведенную поэтическую метафору можно интерпретировать как утверждение о существовании великих стихов в природе задолго до их появления на свет. Они рождаются благодаря таланту, которым

Всевышний наделяет лишь избранных, поэтому вполне логично желание лирического героя стать вровень с любимым поэтом Тукаем («Вновь возродятся прежние мечты – / Смогу я до поэта дотянуться, / Коснувшись благодарно высоты...» [Там же]). На этом фоне особо значимым представляется философский смысл заключительного четверостишия:

«И песня колыбельная звучала.
Ту песню пела снежная гроза...
В конце ли света или в его начале
Звучал над миром утренний азан...» [Тангалычев, 2019, с. 77].

От того, какую дорогу выберем мы – читатели, жители России, будем ли заботиться о чистоте своей души, духовности, любить свою культуру, свою страну, родную планету, которая у лирического героя ассоциируется с землей неисчерпаемой поэзии, зависит наше будущее. Суть прозвучавших в поэме раздумий о значимости поэзии в истории культуры российского народа целесообразно передать, на наш взгляд, словами самого автора: «... поэзия – это неповторимая история народа, не исчезающая только потому, что эту историю язык хранит в откровениях поэтов. Лишь народ, имеющий историю-поэзию, преображающую мир, и обретает себя такого, каким его хочет видеть Творец. <...> Потрясающие стихи народных поэтов невозможны без победоносных исторических потрясений, без самоотверженного богоискательства, без переживаний обо всем мире...» [Тангалычев, 2009, с. 3].

Таким образом, учитывая значимость высказанных в «Вещем сне Тукая о Казани» К. Тангалычева идей, имеющих общечеловеческий характер, постановку актуальных проблем, выражение любви к культуре своего народа и России в целом, умение автора искусно владеть поэтическим словом и техникой стиха, поэму можно причислить к лучшим образцам поэзии XXI века. В связи с тем, что в проанализированном произведении сюжет в традиционном его понимании отсутствует, отбор событий мотивирован не их взаимосвязью, а ходом размышлений автора, при этом логика развития чувства, переживания не нарушена, ее следует определить как лирическую поэму [Поэма лирическая].

Список литературы

Биккинин И. Татарская аристократия Темниковского княжества и ее потомки. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=186969&p=1> (дата обращения: 03.07.20).

Габдулла Тукай. Что я помню о себе. URL: <http://gabdullatukay.ru/rus/bio/chto-ya-pomnyu-o-sebe> (дата обращения: 02.07.20).

Гагаев А. А. Не возвращаться никогда назад // Литературная Россия. 29.08.2003. № 35 (2115).

Гагаев А. А., Кудяева Н. В. Угро-финский космопсихо-логос. Саранск: ОАО «Рузаевский печатник», 2009. 614 с.

Гагаев А. А. Земля поэта // Финноугория. 22.03.2010. URL: <http://www.finnougoria.ru/news/publications/18859> (дата обращения: 29.06.20).

Гагаев А. А. Поэт Камилль Тангалычев слышит голос стихии // Татарская газета. 24.03.2010. URL: <http://yuldash.com/tg/index.php?id=37890&pp=8&q=mes> (дата обращения: 29.06.20).

Гагаев А. А. Родина поэзии // К. Тангалычев. Избранное. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2006. С. 5–12.

Жиндеева Е. А. Трансформация национального мифа в творчестве К. Тангалычева (на примере стихотворения «Мордовка») // Дергачевские чтения – 2006. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: мат-лы междунар. науч. конф.: в 2 т. Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та; Изд. дом «Союз писателей», 2007. Т. 2. С. 75–78.

Козин С. А. Сокровенное сказание монголов. § 154. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus10/Sokr_skaz/text2.phtml?id=4414 (дата обращения: 03.07.20).

Кумбашева Ю. А. Мотив сна в русской лирике первой трети XIX века: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2001. URL: <https://www.dissercat.com/content/motiv-sna-v-russkoi-lirike-pervoi-treti-xix-veka> (дата обращения: 26.06.20).

Лотман Ю. М. Сон – семиотическое окно // Ю. М. Лотман. Семиосфера. СПб.: «Искусство – СПб», 2000. С. 123–126.

Мартыненко А. В. Слово поэта тревожит землю. «Ягода репейника» Камилля Тангалычева // Живая литература. 2010.11.27. URL: <http://litlive.ru/topics/zhlrecenzii/viewpost/708> (дата обращения: 16.01.20).

Наумова Е. В. Человек и время в финно-угорской поэзии Мордовии рубежа XX–XXI вв. (на материале творчества К. А. Тангалычева) // Финно-угорский мир. 2013. № 2. С. 54–58.

Поэма лирическая // Теория литературы: Анализ художественного произведения. URL: <http://www.philol.msu.ru/~tezauros/docs/3/dictionary.php?label> (дата обращения: 04.07.20).

Пушкин А. С. История Пугачева: исторические статьи и материалы. Гл. 7. URL: <http://lib.ru/LITRA/PUSHKIN/p7.txt> (дата обращения: 02.07.20).

Роднянская И. Б. Сон: Мотивы поэзии Лермонтова // Лермонтовская энциклопедия. URL: <http://lermontov-lit.ru/lermontov/dictionary/lermontov-encyclopedia/articles/34/motivy-poezii-lermontova.htm> (дата обращения: 28.06.20).

Русская энциклопедия. URL: <https://rus-russian-enc.slovaronline.com/8819> (дата обращения: 01.07.20).

Словарь символов. URL: <https://rus-simvol-dict.slovaronline.com/788> (дата обращения: 01.07.20).

Степин С. Н. Образ дерева в лирической поэзии Камилля Тангалычева (на примере сборника «Век жестя-

ной») // Евсевьевские чтения. Серия: Эмотивность художественного текста и способы ее репрезентации: сб. науч. тр. Саранск: Мордов. гос. пед. ин-т, 2017. С. 39–43.

Тангалычев К. Ближняя звезда Рашида Сюняева // Татарский мир. 2017. № 12 (6407).

Тангалычев К. А. Дорога в Казань: кн. стихотворений. Саранск: Тип. «Крас. Окт.», 2002. 80 с.

Тангалычев К. А. Мерцание глагола: стихотворения, поэма. Саранск: тип. «Крас. Окт.», 2019. 80 с.

Тангалычев К. А. Язык насущный: избр. публицистика. Саранск: тип. «Крас. Окт.», 2009. 304 с.

References

Bikinin, I. *Tatarskaia aristokratiia Temnikovskogo kniazhestva i ee potomki* [The Tatar Aristocracy of the Temnikovsky Principality and Its Descendants]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=186969&p=1> (accessed: 03.07.20). (In Russian)

Gagaev, A. A. (2003). *Ne vozvrashchat'sia nikogda nazad* [Never Returning Back]. *Literaturnaia Rossiia*. 29.08.2003. No. 35 (2115). (In Russian)

Gagaev, A. A. (2006). *Rodina poezii* [Poetry's Homeland]. K. Tangalychev. *Izbrannoe*. Pp. 5–12. Saransk, Mordov. kn. izd-vo. (In Russian)

Gagaev, A. A. (2010). *Poet Kamil' Tangalychev slyshit golos stikhii* [Poet Kamil Tangalychev Hears the Voice of the Elements]. *Tatarskaia gazeta*. 24.03.2010. URL: <http://yuldash.com/tg/index.php?id=37890&pp=8&q=mes> (accessed: 29.06.20). (In Russian)

Gagaev, A. A. (2010). *Zemlia poeta* [The Poet's Land]. *Finnougoria*. 22.03.2010. URL: <http://www.finnougoria.ru/news/publications/18859> (accessed: 29.06.20). (In Russian)

Gagaev, A. A., Kudaeva N. V. (2009). *Ugro-finskiy kosmo-psikho-logos* [Ugro-Finnish Cosmo-Psycho-Logos]. 614 p. Saransk, OAO "Ruzaevskii pechatnik". (In Russian)

Kozin, S. A. *Sokrovennoe skazanie mongolov* [The Secret Legend of the Mongols]. § 154. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus10/Sokr_skaz/text2.phtml?id=4414 (accessed: 3.07.20). (In Russian)

Kumbasheva, Iu. A. (2001). *Motiv sna v russkoi lirike pervoi treti XIX veka: dis. ... kand. filol. nauk* [The Dream Motif in Russian Lyrical Poetry in the Early 19th Century: Ph.D. Thesis]. St. Petersburg. URL: <https://www.dissercat.com/content/motiv-sna-v-russkoi-lirike-pervoi-treti-xix-veka> (accessed: 26.06.20). (In Russian)

Lotman, Iu. M. (2010). *Son – semioticheskoe okno* [A Dream as a Semiotic Window]. Iu. M. Lotman. *Semiosfera*. Pp. 123–126. St. Petersburg, "Iskusstvo – SPB". (In Russian)

Martynenko, A. V. *Slovo poeta trevozhit zemliu "Iagoda repeinika" Kamilia Tangalycheva* [The Poet's Word Disturbs the Earth. Kamil Tangalychev's "The Burdock Berry"]. *Zhivaia literatura*. 2010.11.27. URL: <http://litlive.ru/topics/zhirecenzii/viewpost/708> (accessed: 16.01.20). (In Russian)

Naumova, Ie. V. (2013). *Chelovek i vremia v finno-ugorskoj poezii Mordovii rubezha XX–XXI vv. (na materiale tvorchestva K. A. Tangalycheva)* [Man and Time in Finno-Ugric Poetry of Mordovia at the Turn of the 20th – 21st Centuries (Based on the Work of K. A. Tangalychev)]. *Finno-ugorskii mir*. No. 2. Pp. 54–58. (In Russian)

Poema liricheskaia [A Lyrical Poem]. *Teoriia literatury: Analiz khudozhestvennogo proizvedeniia*. URL: <http://www.philol.msu.ru/~tezaurus/docs/3/dictionary.php?label> (accessed: 04.07.20). (In Russian)

Pushkin, A. S. *Istoriia Pugacheva: istoricheskie stat'i i materialy* [Pugachev's History: Historical Articles and Materials]. Ch. 7. URL: <http://lib.ru/LITRA/PUSHKIN/p7.txt> (accessed: 02.07.20). (In Russian)

Rodnianskaia, I. B. *Son: Motivy poezii Lermontova* [A Dream: Lermontov's Poetry Motifs]. *Lermontovskaia entsiklopediia*. URL: <http://lermontov-lit.ru/lermontov/dictionary/lermontov-encyclopedia/articles/34/motivy-poezii-lermontova.htm> (accessed: 28.06.20). (In Russian)

Slovar' simvolov [Dictionary of Symbols]. URL: <https://rus-simvol-dict.slovaronline.com/788> (accessed: 1.07.20). (In Russian)

Stepin, S. N. (2017). *Obraz dereva v liricheskoi poezii Kamilia Tangalycheva (na primere sbornika "Vek zhestyanoy")* [The Image of the Tree in Lyrical Poetry of Kamil Tangalychev (based on the collection "The Tin Age")]. *Ievsev'evskie chteniia. Serii: Emotivnost' khudozhestvennogo teksta i sposoby ee reprezentatsii: sb. nauch. tr. Saransk, Mordov. gos. ped. in-t, pp. 39–43*. (In Russian)

Russkaia entsiklopediia [Russian Encyclopedia]. URL: <https://rus-russian-enc.slovaronline.com/8819> (accessed: 01.07.20). (In Russian)

Tangalychev, K. (2017). *Blizhniaia zvezda Rashida Siuniaeva* [The Nearby Star of Rashid Sunyaev]. *Tatarskiy mir*. 2017. No. 12 (6407). (In Russian)

Tangalychev, K. A. (2002). *Doroga v Kazan': kn. stikhotvorenii* [The Road to Kazan: A Poetry Book]. Saransk, Tip. "Kras. Okt." 80 p. (In Russian)

Tangalychev, K. A. (2009). *Iazyk nasushchnyi: izbr. publitsistika* [Daily Language: Selected Journalism]. 304 p. Saransk, Tip. "Kras. Okt." (In Russian)

Tangalychev, K. A. (2019). *Mertsanie glagola: stikhotvorenii, poema* [The Flickering of the Verb: Verses, a Poem]. 80 p. Saransk, Tip. "Kras. Okt." (In Russian)

Tukay, Gabdulla. *Chto ya pomniu o sebe* [What I Remember about Myself]. URL: <http://gabdullatukay.ru/rus/bio/chto-ya-pomniu-o-sebe> (accessed: 02.07.20). (In Russian)

Zhindeeva, Ie. A. (2007). *Transformatsiia natsional'nogo mifa v tvorchestve K. Tangalycheva (na primere stikhotvorenii "Mordovka")* [The Transformation of the National Myth in the Work of K. Tangalychev (based on the poem "Mordovka")]. *Dergachevskii chteniia – 2006. Russkaia literatura: natsional'noe razvitiie i regional'nye osobennosti: mat-ly mezhdunar. nauch. konf.: v 2 t. V. 2, pp. 75–78*. Ekaterinburg, izd-vo Ural. un-ta; izd. dom "Soiuz pisatelei". (In Russian)

The article was submitted on 13.07.2020

Поступила в редакцию 13.07.2020

Каторова Александра Михайловна,
доктор педагогических наук,
профессор,
ведущий научный сотрудник,
НИИ гуманитарных наук при Правительстве
Республики Мордовия,
430005, Россия, Саранск,
Л. Толстого, 3.
amkatorova@mail.ru

Katorova Alexandra Mikhailovna,
Doctor of Pedagogy,
Professor,
Leading Researcher,
Research Institute of Humanities under
the Government of the Republic of Mordovia,
3 L. Tolstoy Str.,
Saransk, 430005, Russian Federation.
amkatorova@mail.ru